

О. В. Петрова

ПРИНЦИП НАИЛУЧШЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

25

Новеллы уголовно-процессуального закона Республики Беларусь показывают стремление к внедрению на практике дружественных ребенку технологий. Вместе с тем исследования показывают отсутствие системности в определении уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних. Реформирование правового положения несовершеннолетних в уголовном процессе может быть более эффективным при наличии системообразующей основы.

Международно-правовой принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка может стать базовым положением уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних, обеспечивать планомерное развитие уголовно-процессуального законодательства, а в конечном итоге – способствовать противодействию преступности. Исследование реализации принципа требует применения системного, сравнительно-правового анализа и формально-юридического метода.

В результате можно определить особенности уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних с учетом указанного принципа, а также направления дальнейшего совершенствования законодательства. Вместе с тем остается дискуссионным вопрос о необходимости закрепления такого принципа в законе.

The novelties of the Criminal Procedure Law of the Republic of Belarus show the commitment to introduce child-friendly technologies in practice. However, studies show the lack of consistency in the identification of Criminal Procedure policy for minors. Reforming the legal status of minors in criminal proceedings could be more effective in the case of a system-forming basis.

The international legal principle of the best interests of the child could be the foundation of the criminal procedure policy for minors, ensure the systematic development of the Criminal Procedure Law, and contribute to combating crime. The study of implementing the principle requires the application of systematic, comparative legal analysis and formal-legal methods.

As a result, it is possible to determine the features of the criminal procedural policy for minors, taking into account the principle, as well as ways for further improvement of legislation. Nonetheless, the issue of legal recognition of the principle is debatable.

Ключевые слова: наилучшее обеспечение интересов, права ребенка, уголовно-процессуальная политика, несовершеннолетний правонарушитель, несовершеннолетний потерпевший и свидетель

Keywords: the best interests, children's rights, criminal procedure policy, juvenile delinquent, child victim, child witness

Введение

Благополучие детей – важная цель развития любого общества. Права и законные интересы ребенка подлежат охране во всех сферах жизни, в том числе при принятии юрисдикционных решений, к кото-

рому относится и осуществление уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим следует отметить, что как в советский период, так и в настоящий момент уголовно-процессуальное законодательство и Российской Федерации, и Республики Беларусь рассматривает несовершеннолетнего как особого субъекта правоотношений, наделяя его дополнительными гарантиями.

Следует отметить, что к проблематике участия несовершеннолетних в уголовном процессе следует подходить комплексно. Помимо широко дискутируемого вопроса внедрения ювенальной юстиции не меньшего внимания требуют и права несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Современная правоприменительная деятельность в Республике Беларусь характеризуется множественностью конкретных практических социальных проектов, которые если и не нацелены непосредственно на реформирование системы правосудия для детей, то направлены на решение задач уголовной юстиции. Однако и для белорусского, и для российского опыта характерно отсутствие целостной уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних [6, с. 32]. Как справедливо указывает Е. В. Марковичева, разработка уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних требует определения ее целей и стратегических направлений [6, с. 34].

Представляется, что на уровне уголовной политики и уголовно-процессуальной политики как ее составляющей должны быть сформированы системообразующие положения. Как правило, такой характер носят международно-правовые требования. Представляется, что принципом уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних может стать международно-правовая концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка как основа правового статуса несовершеннолетнего в международном праве

Конвенция ООН 1989 г. о правах ребенка (далее — Конвенция) была ратифицирована максимальным количеством стран, в том числе Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Статья 3 Конвенции гласит, что во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Такой принцип как имеет самостоятельное значение, так и является базисом правового статуса ребенка в международном праве. Фактически предлагаемый подход закрепил за ребенком статус субъекта, а не объекта права [13, р. 30]. Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка как один из общих принципов, закрепленных в Конвенции, нацелен на полномасштабную реализацию всех прав ребенка и его

всестороннее развитие, что предполагает ответственное участие всех заинтересованных сторон в деле обеспечения физической, психологической, моральной и духовной целостности и неприкосновенности ребенка и содействия утверждению его человеческого достоинства [4, с. 348].

Представленная в Конвенции концепция рассматривается и как фундаментальное материальное право, и как процедурное правило, и как основополагающий правовой принцип [13, р. 31–32]. Именно в последнем статусе концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка позволяет и требует интерпретировать нормы права с позиции интересов ребенка и тем самым может концептуально влиять на совершенствование законодательства и правоприменения. Такое толкование может проводиться как на уровне законотворческой деятельности, так и при принятии конкретного решения в отношении несовершеннолетнего в любой сфере, например при принятии решения о месте жительства ребенка при рассмотрении семейного спора или при постановлении приговора суда несовершеннолетнему правонарушителю.

В мире существуют разные концепции, основанные на принципе наилучшего обеспечения интересов ребенка, в том числе дружественное ребенку правосудие (*child friendly justice*) [16], правосудие для детей (*justice for children*) [15]. Ювенальная юстиция (*juvenile justice*) как институционально обособленная система появилась ранее данного принципа, однако по своей сущности может и должна соответствовать представленной в Конвенции концепции, более того — подвергаться оценке с точки зрения соответствия международным стандартам и в том числе принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка [14].

Формирование уголовно-процессуальной концепции в отношении несовершеннолетних на основе принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка создает понимание факта, что должны учитываться интересы несовершеннолетних в целом, уязвимости детей как субъектов процесса независимо от процессуального статуса: в уголовном процессе — это и потерпевший (гражданский истец), и свидетели, и обвиняемый (подозреваемый).

Таким образом, принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка формирует правовое положение несовершеннолетних и требует реализации в национальном законодательстве.

Уголовно-процессуальная политика и ее место в системе уголовной политики

В современном обществе на государство возложена обязанность защищать граждан от преступных посягательств, обеспечивать безопасность в обществе. Выполнение такой функции осуществляется государством через реализацию уголовной политики. В этом смысле уголовная политика рассматривается в классическом определении Н. И. Загородникова в трех аспектах. Во-первых, как выработанная государством

линия борьбы с преступностью. Во-вторых, как конкретная деятельность органов государства, состоящая в проведении в жизнь указанной линии и выражающаяся в издании уголовных и других законов в области борьбы с преступностью, в применении этих законов к конкретным социальным конфликтами и разрешении на их основе действующего законодательства. В-третьих, как научное осмысление стратегии борьбы с преступностью и мер по ее реализации, выработке рекомендаций по улучшению деятельности в области борьбы с преступностью [3, с. 19]. Признано понимание уголовно-процессуальной политики как компонента уголовной политики государства [2, с. 14; 11, с. 214] и как части государственной социальной политики [9, с. 64]. Следует согласиться с мнением И.Г. Смирновой, что уголовно-процессуальная политика призвана обеспечить баланс законных интересов и безопасность [9, с. 65].

В то же время эффективная уголовно-процессуальная политика воздействует и на преступность как таковую. Как правильно отмечает А.И. Александров, уголовно-процессуальная политика позволяет определить принципы и методы воздействия на преступность через процедуры производства по материалам и уголовному делу. Меняя уголовно-процессуальные нормы, добиваясь построения более эффективного уголовного процесса, власть тем самым может влиять на показатели раскрываемости преступлений, то есть на реализацию уголовно-правовых норм [2, с. 15].

Представляется, что с научной точки зрения формирование идей и представлений на таком обобщенном уровне весьма важно, поскольку позволяет системно совершенствовать уголовно-процессуальную деятельность, как и противодействие преступности в целом. Формирование уголовно-процессуальной политики требует определения не только ее принципов и основных начал, но и конкретизацию путем выделения таких составляющих как, например, уголовно-процессуальная политика противодействия коррупционным преступлениям или сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. Представляется возможным говорить и об уголовно-процессуальной политике в отношении несовершеннолетних.

Обозначенная концепция наилучшего обеспечения ребенка как любое международно-правовое требование может влиять на совершенствование национального законодательства опосредованно, через призму уголовной и ювенальной¹ политики государства, что не является вместе с тем единственной ее детерминантой. Помимо международных требований политика формируется и под воздействием идеологии [10, с. 163] и правовой культуры.

¹ Под ювенальной политикой мы понимаем стратегии государства по обеспечению защиты детей, содействию их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию. Исследования указанного аспекта может быть признано необходимым, однако выходит за пределы рассматриваемого вопроса.

Особенности реализации принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в уголовно-процессуальной деятельности

Для уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних с учетом принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка важно разрешить проблему соотношения частных и публичных интересов.

Согласно п. 39 Замечания общего порядка о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов №14 (2013) от 29 мая 2013 г. Комитета ООН по правам ребенка, если добиться взаимоувязки интересов не удалось, властям и директивным органам придется проанализировать и определить значимость прав всех заинтересованных сторон, исходя из того, что право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы принимались во внимание в качестве первоочередного соображения, означает, что интересы ребенка имеют первоочередное значение и не могут рассматриваться всего лишь как одно из ряда соображений².

Фактически алгоритм такой оценки затрагивает глубинные ценностные ориентиры уголовной политики государства и требует научного осмысления. Причем дискуссионным является не только взаимодействие публичного интереса обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за деяния несовершеннолетних с интересами несовершеннолетних, но и соотношение интересов несовершеннолетних и принципа неотвратимости ответственности. Указанный конфликт интересов должен определять пределы тактических приемов и методов расследования преступлений, совершенных против несовершеннолетних. Так, у несовершеннолетнего потерпевшего есть право отказаться давать показания против близкого родственника или члена семьи (ст. 27 Конституции Республики Беларусь). В случае расследования случаев насилия в семье, несмотря на всю тяжесть деяний, такое право за несовершеннолетним, как представляется, должно сохраняться.

В качестве важного посыла также следует признать негативное влияние уголовного процесса на любого несовершеннолетнего и необходимость минимизации вовлечения несовершеннолетних в сферу уголовной юстиции. Социально-психологическое сопровождение участия несовершеннолетнего в уголовном процессе, как и взаимодействие с внешней системой защиты детей, является средством и принципом реализации заявленных целей. В этом понимании модель построения вовлеченности несовершеннолетних в систему уголовной юстиции может рассматриваться с точки зрения психологической и педагогической наук [12, р. 62].

² Конвенция о правах ребенка // Организация Объединенных Наций. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiC AqhKb7yhsqIkirKQZLK2M58RF%2F5F0vFKtnY3RFBX0eVOrGEVYulm7qJFa4xDYq QG%2FAuA8pVGCRK8KtbQkk%2FWkn0pyrS31KYRp4F7cnp3xxnKJe9IL9Lx> (дата обращения: 21.01.2022).

Согласованность между различными компонентами уголовной политики в реализации концепции также важна, ибо эта система и ее составляющие не могут противоречить друг другу, а если есть противоречие — требуется гармонизация. Такую общность можно отследить и в политике в отношении несовершеннолетних. Например, применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемых и подозреваемых, а также применение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных несовершеннолетних рассматривается в комплексе: лишение свободы независимо от момента решения вопроса может применяться к ним лишь в исключительных случаях.

Связь материальных и процессуальных правоотношений также предполагает тесное взаимодействие при содействии наилучшему ответствию интересам ребенка.

Приведем пример того, как совершенствование уголовного законодательства влияет на уголовно-процессуальную деятельность. В 2021 г. по примеру Российской Федерации к ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь появилось примечание: «Для целей применения настоящей статьи и статьи 167 УК малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении него преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии, поскольку в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий». Оно позволило отказаться от практики назначения и проведения экспертиз в отношении малолетних потерпевших по указанной категории уголовных дел, поскольку данные экспертизы оказывали психотравмирующее воздействие, а выводы были заранее очевидными.

Несмотря на то что признана необходимость реализации принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, остается открытым вопрос, насколько такое требование может быть сформировано в виде принципа уголовного процесса, может ли оно рассматриваться как концептуальное начало, требующее самостоятельного закрепления, либо это положение может следовать из духа закона и имплементироваться на уровне конкретных норм права.

Так, в рамках семейного права вопрос интересов ребенка может занимать центральное место, следовательно, вполне закономерно его нормативное закрепление в Республике Беларусь. В качестве одной из задач законодательства о браке и семье предусмотрен учет наилучших интересов ребенка при принятии государственными органами, иными организациями решений в отношении детей (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. №278-3).

Однако в отношении уголовного процесса следует признать, что не все идеи системного характера институализируются посредством принципов. Они могут системно влиять на развитие законодательства и правоприменительной практики через реализацию уголовно-процессуальной политики. Для сферы уголовно-процессуальной деятельности, где главным вопросом является реализация целей уголовной ответственности, системообразующего значения концептуальная основа правового положения несовершеннолетних не имеет. Вместе с тем для

института производства по делам о преступлении несовершеннолетних представляется допустимым ставить вопрос о законодательном закреплении принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка. Такое закрепление оказало бы влияние на судебское усмотрение, позволило бы более точно учитывать конкретную жизненную ситуацию несовершеннолетнего.

В настоящее время можно выделить сложности в понимании и оценке интересов несовершеннолетнего правоприменителем, недостаточное понимание правил такой оценки, хотя в целом она может и должна проводиться. Например, по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних исследование условий жизни и воспитания, предусмотренное как элемент предмета доказывания ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), порой смешивается с выявлением причин и условий подростковой преступности, не воспринимается как мера по изучению личной ситуации несовершеннолетнего для принятия решения о мере уголовной ответственности, лучшим образом соответствующего его интересам.

Являясь ценностным ориентиром, рассматриваемый принцип может непосредственно влиять на правоприменительную деятельность. Выбор тактических приемов и методов, применяемых в ходе расследования преступлений, также должен соответствовать требованиям наилучшего обеспечения интересов ребенка. В настоящее время нет препятствий придерживаться таких тактик, что позволяет избегать негативного влияния участия несовершеннолетнего в процессе на его физическое и психическое здоровье. В этом аспекте исследуемый принцип составляет и этическое требование.

Следует также отметить, что реализация рассматриваемой концепции не может ограничиваться лишь совершенствованием законодательства, влиянием на правоприменительную практику, а предполагает также мероприятия организационно-правового характера, не исключая мер по внедрению ювенальных технологий.

Направления развития уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь с учетом интересов ребенка

В целом уголовная политика Республики Беларусь осознает особый статус несовершеннолетних. Более того, следует отметить недавние законодательные изменения по повышению правовой защищенности несовершеннолетних.

Так, в Республике Беларусь изменениями и дополнениями, внесенными в 2021 г., были законодательно закреплены два института, традиционно призванные способствовать наилучшему обеспечению интересов ребенка, а именно: в ст. 30¹ УПК закреплено примирение обвиняемого с потерпевшим при посредничестве медиатора путем заключения медиативного соглашения, а также нормой ч. 2¹ ст. 221 УПК законодательно признаны дружественные детям условия допроса.

Указанные новеллы можно оценить положительно, однако внесенные законодательные новации не могут рассматриваться как систем-

ные. Например, не определен статус медиатора³, порядок реализации процессуальных гарантий прав личности при применении медиации, остаются нерешенными вопросы приостановления производства по делу для проведения медиации и т. п.

В Республике Беларусь восстановительной медиацией занимается Центр «Медиация и право» при Белорусском республиканском союзе юристов, внедряя такие технологии еще до их законодательной легализации. При этом в большинстве случаев медиаторы ориентируются на применение медиативных технологий именно в ситуациях вовлеченности несовершеннолетних [8]. Следует сказать, что с законодательными новациями не случилось существенного толчка в развитии практики. Однако указанные законодательные изменения предоставили возможность продвигать работу медиаторов в разрешении уголовно-правовых конфликтов не в качестве экспериментальных проектов, а на постоянной основе. Вместе с тем институциональное закрепление медиации в уголовном процессе не исключает необходимости анализа норм с точки зрения реализации интересов несовершеннолетних. Многие практические работники до сих пор воспринимают медиацию по уголовным делам как чуждую технологию, высказывают опасения «коммерциализации» уголовного процесса через применение восстановительной медиации в условиях отсутствия государственного финансирования деятельности медиаторов, развитости услуг коммерческой медиации и отсутствия постоянной спонсорской помощи.

Успех имплементации в большей степени зависит как раз от того, насколько медиативные технологии встроены в систему уголовной политики, сочетаются с иными мерами и отвечают принципам борьбы с преступностью. Следует отметить, что внедрение медиации не изменило уголовно-правовую политику как таковую, идея примирения и до этого была знакома действующему белорусскому закону. Таким образом, новелла затрагивает только те институты, где государство и до этого момента учитывало частные интересы пострадавшего.

Проблемы обеспечения интересов несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля признано решить законодательное признание дружественных детям технологий допроса. Так, в соответствии с ч. 2¹ ст. 221 УПК допрос несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы по возможности проводится в условиях дружественной детям комнаты для допроса.

Законодатель не раскрывает процессуальных требований к допросу в таких специальных комнатах и к оценке показаний несовершеннолетнего. Безусловно, что при использовании в доказывании показаний, данных в специальных комнатах, должно быть обеспечено право подо-

³ Определение прав и обязанностей медиатора в уголовно-процессуальном законе считаем важным для возможности полноценного осуществления им своих задач. Интересным является мнение о наделении медиатора статусом специалиста [6, с. 26].

зреваемого и обвиняемого на защиту. В том числе за обвиняемым и подозреваемым должно сохраняться право опровергнуть показания несовершеннолетних.

Вместе с тем следует отметить, что дружественные детям технологии допроса пришли в правоприменительную деятельность в уголовном процессе Республики Беларусь в 2009 г. и за указанный период показали свою эффективность [5]. Однако сами по себе дружественные детям условия допроса нельзя признать достаточными для обеспечения благополучия ребенка, более того, без мер обеспечения безопасности и специальных мер защиты они могут быть опасными.

Таким образом, дружественный подход требуется обеспечить на всем протяжении процесса и после его завершения. И в некоторой степени такая работа предусмотрена в Республике Беларусь на основе декрета Президента от 24 ноября 2006 г. №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях», который предполагает требование взаимодействия государственных органов для раннего вмешательства, но не предусматривает четкого алгоритма работы.

Заключение

Подводя итог сказанному, следует отметить, что концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка как основа международного статуса несовершеннолетнего может быть системообразующим принципом и ценностным ориентиром в формировании особенностей уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних.

Представляется допустимым отсутствие законодательного закрепления такого принципа в качестве самостоятельного в уголовно-процессуальном законе. Однако рассматриваемая концепция может быть реализована на законодательном уровне, учитываться правоприменителем при принятии юрисдикционных решений и совершении процессуальных действий и служить основой системных реформ процессуальных институтов.

Список литературы

1. Авдеев В.Н., Александрова Л.А., Панькина И.Ю. Альтернатива уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних обвиняемых // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. №1. С. 23 – 30.

2. Александров А.И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука : сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2016. С. 12 – 19.

3. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979.

4. Кабанов В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву. М., 2018.

5. Каменецкий Ю. Ф., Суздалева Г. В., Истомова Л. Н. Рекомендации по результатам исследования эффективности деятельности специализированных комнат опроса, дружественных детям. Пути совершенствования и перспективы дальнейшей популяризации : метод. рекомендации. Минск, 2020.

6. Марковичева Е. В. Уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. №3 (7). С. 30–35.

7. Петрова О. В. Дружественная детям комната для допроса как новелла уголовно-процессуального закона // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 2. Минск, 2021. С. 352–359.

8. Подробная информация о проектах // Центр «Медиация и право». URL: <https://mediation-law.by/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/document-25263.html> (дата обращения: 24.01.2022).

9. Смирнова И. Г. Уголовно-процессуальная политика: некоторые рассуждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. №3. С. 61–67.

10. Шадрин В. С. Уголовно-процессуальная политика и уголовно-процессуальное право (часть 1) // Российский журнал правовых исследований. 2015. №2 (3). С. 162–165.

11. Шминке А. Д. Уголовно-процессуальная политика как системное образование // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. №5 (118). С. 210–216.

12. *The best Interest of the child – a dialogue between theory and practice.* Council of Europe, 2016.

13. *Child-friendly Justice: A Quarter of a Century of the UN Convention on the Rights of the Child (Stockholm Studies in Child Law and Children's Rights)* / ed. by S. Mahmoudi, P. Leviner, A. Kaldal, K. Lainpelto. Leiden, 2015.

14. *Fondacaro M., Slobogin Chr., Cross Tr.* Reconceptualizing Due Process in Juvenile Justice: Contributions from Law and Social Science // *Hastings Law Journal*. 2006. Vol. 57, iss. 5. P. 955–990. URL: https://repository.uchastings.edu/hastings_law_journal/vol57/iss5/2 (дата обращения: 24.01.2022).

15. *Guidance Note of the Secretary-General. UN Approach to Justice for Children.* URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/RoL_Guidance_Note_UN_Approach_Justice_for_Children_FINAL.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

16. *Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice.* Council of Europe Publishing, 2011.

Об авторе

Ольга Валентиновна Петрова – канд. юр. наук, доц., Белорусский государственный университет, Беларусь.

E-mail: machkova@bsu.by

The author

Dr Olga V. Petrova, Belarusian State University, Belarus.

E-mail: machkova@bsu.by